

Встреча. Ги де Мопассан

Эдуарду Роду

Это была случайность, чистая случайность. Барон д'Этрай, устав долго стоять на ногах, вошел в пустую и почти темную после освещенных гостиных спальню, — все комнаты княгини были открыты в этот праздничный вечер.

Он искал, где бы посидеть или вздремнуть, так как был уверен, что жена не захочет уехать раньше утра. Еще стоя в дверях, он увидел широкую кровать, голубую с золотыми цветами, возвышавшуюся посреди просторной комнаты, подобно катафалку любви: княгиня была уже немолода. В глубине большое светлое пятно производило впечатление озера, на которое смотрят через высокое окно. Это было зеркало, огромное, молчаливое, обрамленное темными занавесками, которые иногда бывали спущены, но чаще подняты, и тогда зеркало как будто смотрело на ложе, на своего сообщника. Оно словно хранило какие-то воспоминания, сожаления об утраченном, как те замки, где водятся призраки умерших, и казалось, что вот-вот на его гладкой и пустой поверхности возникнут на миг очаровательные формы обнаженных женских бедер и мягкие движения обнимающих рук.

Барон остановился, улыбаясь, слегка растроганный, на пороге этой комнаты любви. Но вдруг что-то отразилось в зеркале, словно перед ним предстали вызванные видения. Это мужчина и женщина, сидевшие на низком диване, незаметном в полутьме, поднялись. И полированный хрусталь, отражая их силуэты, показал их во весь рост; уста их слились в прощальном поцелуе.

Барон узнал свою жену и маркиза де Сервинье. Он повернулся и ушел, как человек твердый и умеющий владеть собою; он продолжал ждать рассвета, чтобы увезти баронессу, но о сне уже не думал.

Как только они остались вдвоем, он сказал ей:

— Сударыня, я видел вас только что в комнате княгини де Рэн. Нет необходимости объясняться более пространно. Я не люблю ни упреков, ни бурных или смешных сцен. Постараемся избежать всего этого и разойдемся без шума. Поверенные устроят все ваши дела, согласно моим распоряжениям. Покинув мой дом, вы вольны жить, как будет вам угодно, но предупреждаю вас, что поскольку вы будете продолжать носить мое имя, то в случае какого-либо скандала я вынужден буду принять суровые меры.

Она хотела что-то сказать, но он остановил ее, поклонился и ушел к себе.

Барон чувствовал себя скорее удивленным и опечаленным, нежели несчастным. Он очень любил ее в первое время их брака. Этот пыл понемногу охладил, и теперь у него часто бывали легкие связи то с актрисами, то в светском обществе, но все же он сохранил еще некоторое влечение к жене.

Она была очень молода — ей едва исполнилось двадцать четыре года, — маленькая, на редкость белокурая и худенькая, слишком худенькая женщина. Это была парижская куколка, утонченная, избалованная, изящная, кокетливая, довольно остроумная, не столь красивая, как обаятельная. Он откровенно говорил о ней своему брату:

— Моя жена прелестна, в ней есть огонек, но... от нее ничего не остается в руках. Она вроде бокала с шампанским, наполненного одною лишь пеной. Когда доходишь наконец до вина, оно оказывается вкусным, но его слишком мало.

Он в волнении ходил взад и вперед по комнате, мысли его разбегались. Временами в нем поднималась волна гнева, и он чувствовал грубое желание переломать ребра маркизу или дать ему пощечину в клубе. Затем он убеждался, что это будет дурным тоном, что смеяться будут над ним, а не над его противником и что причиной всех этих вспышек ярости было у него скорее оскорбленное самолюбие, чем разбитое сердце. Он лег, но так и не уснул.

Спустя несколько дней в Париже стало известно, что барон и баронесса д'Этрай мирно разошлись из-за несходства характеров. Никто ничего не подозревал, никто не сплетничал, никто не удивлялся.

Однако барон, желая избежать тягостных встреч, целый год путешествовал, следующее лето провел на морских купаньях, осень — на охоте и вернулся в Париж только зимой. С женой он не встречался ни разу.

Он знал, что о ней не было никаких разговоров. Значит, она старалась по крайней мере сохранить внешние приличия. Большого он и не требовал.

Он скучал, снова путешествовал, затем занялся реставрацией своего вильбоскского замка, на что потребовалось два года, потом принимал в нем друзей, на что снова ушло по крайней мере пятнадцать месяцев, и, наконец, устав от всех этих приевшихся ему удовольствий, вернулся в свой особняк на Лилльской улице, ровно через шесть лет после разрыва.

Ему исполнилось теперь сорок пять лет. У него появилось уже немало седых волос, небольшое брюшко и та особая меланхолия, которая свойственна людям, когда-то красивым, модным, любимым, а теперь стареющим с каждым днем.

Спустя месяц после своего возвращения в Париж он простудился, выходя из клуба, и начал кашлять. Доктор предписал ему провести конец зимы в Ницце.

И вот в понедельник вечером он выехал со скорым поездом.

Он приехал на вокзал с опозданием, как раз в ту минуту, когда поезд уже отходил. В одном из купе было свободное место; он занял его. В глубине купе уже расположился пассажир, до того закутанный в меха и плащи, что нельзя было даже разобрать, мужчина это или женщина. Кроме длинного тюка, ничего не было видно. Когда барон убедился, что все равно ничего не узнает, он стал располагаться на ночь, надел

дорожную шапочку, развернул плед, укрылся им, вытянулся и уснул.

Он проснулся лишь на рассвете и тотчас бросил взгляд на своего попутчика. Тот даже не пошевелился за всю ночь и, казалось, еще крепко спал.

Воспользовавшись этим, г-н д'Этрай занялся утренним туалетом, пригладил рукой бороду и волосы, освежил лицо, которое за ночь так страшно меняется, когда достигаешь известного возраста.

Великий поэт сказал:

Лишь в юности одной победны наши утра.

Когда молод, пробуждение от сна великолепно: кожа свежа, глаза сияют, волосы блестят.

Когда стареешь, пробуждение плачевно. Тусклые глаза, красные и отекающие щеки, обвисшие губы, всклокоченные волосы и спутанная борода придают лицу дряблый, изношенный, осунувшийся вид.

Барон раскрыл дорожный несессер и несколькими взмахами щетки привел в порядок усы и бороду. Затем стал ждать.

Поезд свистнул, остановился. Сосед сделал движение; он, несомненно, проснулся. Затем поезд тронулся дальше. Косой солнечный луч проникал теперь в вагон и падал как раз на спящего, который снова шевельнулся, встряхнул головой, как цыпленок, который вылупливается из скорлупы, и спокойно открыл свое лицо.

Это оказалась молодая белокурая женщина, свежая, хорошенькая и полная. Она поднялась и села.

Барон, остолбенев, смотрел на нее. Он не знал, что и думать. Потому что, право, он готов был поклясться, что это... что это была его жена, но необыкновенно изменившаяся... к лучшему, пополневшая, о, пополневшая, как и он, — только ей это было к лицу.

Она спокойно посмотрела на него, как будто не узнавая, и с полной невозмутимостью освободилась от окутывавших ее верхних вещей.

В ней была спокойная смелость женщины, уверенной в себе, дерзкая непринужденность пробуждения, когда чувствуешь и сознаешь всю свою красоту, всю свежесть.

Барон совсем потерял голову. Жена ли это? Или другая женщина, похожая на нее, как родная сестра? Не видел ее целых шесть лет, он легко мог и ошибиться.

Она зевнула. Он узнал ее манеру. Но она снова обернулась к нему, бегло оглядела его, остановила на нем спокойный и безразличный взгляд, ничего не говорящий взгляд, и принялась смотреть в окно.

Он совсем растерялся и был прямо поражен. Он ждал, пристально разглядывая ее сбоку.

Ну да, это его жена, черт возьми! Как мог он сомневаться? Нет другой женщины с таким носиком. Воспоминания хлынули на него волной, — воспоминания о ее ласках, о всех мелких особенностях ее тела, о родинке на бедре и о другой на спине, как раз напротив первой. Как он часто их целовал! Он чувствовал, как прежнее опьянение овладевает им, вспоминал запах ее кожи, улыбку, с которой она закидывала ему руки на плечи, мягкие интонации ее голоса, все ее милые нежности.

Но как она изменилась, как похорошела! Это была и она и не она... Он находил теперь ее более зрелой, сформировавшейся, более женственной, более соблазнительной, и желанной, безумно желанной.

Итак, эта незнакомая, неизвестная женщина, случайно встреченная в вагоне, была его женой, принадлежала ему по закону. Ему стоило только сказать: «Я хочу!»

Когда-то он спал в ее объятиях, жил в атмосфере ее любви. Теперь он нашел ее настолько изменившейся, что едва узнавал. Это была другая женщина, и в то же время это была она; это была другая, возрожденная, сложившаяся, выросшая с тех пор, как он ее оставил; это была та, которой он обладал, но у нее изменились манеры, прежние черты лица стали более определенными, улыбка менее жеманной, движения более уверенными. Это были две женщины в одной: много нового, неизвестного присоединилось в ней к тому, что было любимо по воспоминаниям. В этом было что-то странное, волнующее, возбуждающее, какая-то тайна любви, веявшая упоительной неясностью. Это была его жена в своем новом облике, в новом теле, которого еще никогда не касались его губы.

И он подумал, что действительно за шесть лет все меняется в нас. Остаются лишь общие черты, по которым нас можно узнать, но иногда и они исчезают.

Кровь, волосы, кожа — все возрождается, все обновляется. И когда долго не видишь человека, встречаешь вдруг совсем иное существо, хотя оно остается тем же и продолжает носить то же имя.

И сердце тоже может измениться, и мысли становятся настолько иными, настолько новыми, что, постепенно, но непрерывно изменяясь, мы можем за сорок лет жизни переживать в образе четырех или пяти существ, совершенно новых и различных.

Он размышлял, испытывая глубокое смятение, и ему вспомнился вдруг вечер, когда он застал ее врасплох в комнате княгини. Но гнев не поднимался в нем. Ведь перед ним была совсем другая женщина, а не та худенькая и вертлявая куколка прежних лет.

Что делать? Как заговорить с ней? Что ей сказать? Узнала ли она его?

Поезд снова остановился. Он встал, поклонился и сказал:

— Берта, не нужно ли вам чего-нибудь? Я мог бы принести...

Она оглядела его с головы до ног и ответила без удивления, без смущения, без гнева, с невозмутимым безразличием:

— Нет, ничего, благодарю.

Он спустился на перрон и немного прогулялся, чтобы встряхнуться и прийти в себя, словно после сильного потрясения. Что ему теперь делать? Пересест в другой вагон? Это может показаться бегством. Быть галантным, услужливым? Она подумает, что он чувствует себя виновным. Заговорить тоном господина? Но это будет грубостью, и потом, по совести говоря, он не имеет ведь на это никакого права.

Он вернулся на свое место.

Во время его отсутствия она тоже наскоро привела себя в порядок. Она лежала теперь в кресле с безучастным и довольным видом.

Он повернулся к ней и сказал:

— Дорогая Берта, раз уж этот странный случай столкнул нас после шестилетней разлуки, обошедшейся без скандалов, стоит ли нам по-прежнему смотреть друг на друга, как на непримиримых врагов? Мы заперты здесь вдвоем. Тем хуже или тем лучше. Я лично не собираюсь уходить отсюда. Так не поговорить... ли нам, как... ну, как... друзьям, до окончания нашего пути?

Она спокойно ответила:

— Как хотите.

Тогда он запнулся, не зная, что сказать. Потом, осмелев, подошел к ней ближе, сел в среднее кресло и галантно продолжал:

— Я вижу, что за вами надо поухаживать, ну, что ж! Для меня это будет удовольствием, потому что вы очаровательны. Вы не можете себе представить, как вы похорошели за шесть лет. Ни одна женщина не доставляла мне такого восхитительного ощущения, какое я испытал, когда вы освобождались от ваших мехов. Право, я не поверил бы, что возможна такая перемена.

Не поворачивая головы и не глядя на него, она произнесла:

— Не скажу того же о вас, вы сильно изменились к худшему.

Он покраснел, сконфуженный и смущенный, потом сказал с безропотной улыбкой:

— Вы безжалостны.

Она повернулась к нему:

— Почему же? Я только констатирую факт. Вы ведь не собираетесь предложить мне вашу любовь? Не правда ли? Значит, вам должно быть совершенно безразлично, каким я вас нахожу. Но я вижу, что эта тема вам неприятна. Поговорим о чем-нибудь другом. Что вы делали с тех пор, как мы расстались?

Растерявшись, он пробормотал:

— Я? Я путешествовал, охотился, старился, как видите. А вы?

Она безмятежно ответила:

— А я сохраняла приличия, следуя вашему желанию.

Резкое слово едва не сорвалось с его уст. Но он сдержался и поцеловал руку жены, добавив:

— И я благодарен вам за это.

Она была удивлена. Да, он действительно сильный человек и хорошо владеет собой. Барон продолжал:

— Раз вы согласились на мою первую просьбу, давайте разговаривать без горечи.

Она сделала презрительный жест.

— Горечи? Но ее у меня нет. Вы для меня совершенно чужой человек. Я стараюсь только оживить разговор, который не вяжется.

Он продолжал смотреть на нее, плененный, несмотря на ее суровость, чувствуя, как его целиком захватывает грубое желание, желание непреодолимое, желание господина.

Она произнесла, еще более ожесточась, зная, что ей уже удалось кольнуть его:

— Сколько же вам теперь лет? Я думала, вы моложе.

Он побледнел.

— Мне сорок пять.

Затем прибавил:

— Я забыл спросить вас, как поживает княгиня де Рэн. Вы все еще встречаетесь с нею?

Она бросила на него взгляд, полный ненависти.

— Да, встречаюсь... Она здорова, благодарю.

Они продолжали сидеть рядом, взволнованные, разъяренные. И вдруг он объявил:

— Дорогая Берта, я передумал. Вы моя жена, и я хочу, чтобы вы сегодня же вернулись под мою кровлю. Я нахожу, что вы похорошили и у вас исправился характер. Я беру вас снова к себе. Я ваш муж, и таково мое право.

Она была поражена и смотрела ему в глаза, стараясь прочесть его мысли. Лицо его было бесстрастно, непроницаемо и решительно.

Она ответила:

— Мне очень жаль, но я не свободна.

Он усмехнулся.

— Тем хуже для вас. Закон на моей стороне. И я воспользуюсь им.

Подъезжали к Марселю; поезд свистел, замедляя ход. Баронесса встала, спокойно свернула свои одеяла и обернулась к мужу:

— Дорогой Рэмон, не злоупотребляйте свиданием, подготовленным мною заранее. Я хотела принять некоторые меры предосторожности, следуя вашим же советам, чтобы не бояться ни вас, ни света, если бы что-нибудь случилось. Ведь вы едете в Ниццу? Не так ли?

— Я поеду туда же, куда и вы.

— Все нет. Выслушайте меня, и я ручаюсь, что вы оставите меня в покое. Сию минуту на перроне вокзала вы увидите княгиню де Рэн и графиню Анрию, которые ждут меня со своими мужьями. Я хотела, чтобы нас видели вместе, вас и меня, и убедились бы, что мы провели ночь одни в этом купе. Не беспокойтесь. Уж эти дамы не упустят случая поговорить об этом обстоятельстве повсюду, до того оно покажется им удивительным.

Я только что сказала вам, что, следуя всем пунктам ваших наставлений, я тщательно сохраняла внешние приличия. Об остальном не было речи, не так ли? Ну так вот, чтобы не нарушить приличий, я и считала необходимой нашу встречу. Вы приказали мне заботливо избегать скандала, я и стараюсь избежать его, мой дорогой... так как боюсь... боюсь...

Она подождала, пока поезд совсем не остановился, и когда ватага друзей кинулась к дверце купе и распахнула ее, она закончила:

— Боюсь, что я беременна.

Княгиня протягивала руки, чтобы обнять ее. Но баронесса указала на барона, остолбеневшего от изумления и старавшегося угадать, правда ли это.

— Вы не узнаете Рэмона? Правда, он сильно изменился. Он согласился меня сопровождать, чтобы я не путешествовала в одиночестве. Мы устраиваем иногда подобные побеги, как друзья, которым не приходится жить вместе. Но сейчас мы расстаемся. Я уже надоела ему.

Она протянула барону руку, которую тот машинально пожал. Потом спрыгнула на перрон к ожидавшим ее друзьям.

Барон с силой захлопнул дверцу; он был так взволнован, что ничего не мог сказать и ни на что не мог решиться. Он слышал голос жены и ее удалявшийся веселый смех.

Он никогда не видел ее больше.

Солгала ли она? Говорила ли правду? Этого он так никогда и не узнал.

Примечания

Напечатано в «Жиль Блас» 11 марта 1884 года под псевдонимом Мофриньёз.